

Румянцева М. В.

СМЫСЛ БЕССМЫСЛЕННОГО В СТРУКТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/39.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 7 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 119-125. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

СМЫСЛ БЕССМЫСЛЕННОГО В СТРУКТУРЕ ПОСТМОДЕРНА

*Румянцева М. В.**Государственный университет – Высшая школа экономики*

Постмодерн забывает о существовании причинно-следственных связей, отрицает логику, наслаждается выстроенным им же абсурдом, отвергает «здравый и общезначимый смысл», клеймит глубокое мышление, постулирует власть поверхности [Делез], а значит и поверхностности знаний. Постмодерн избегает отчетливого представления о самом себе. Постмодерн это Вавилонская библиотека Борхеса, в которой нет места истине и «священной книге», способной открыть тайны мироздания. Переходы уводят в темноту, где постмодерн играет ценностями разных эпох: соединяя их, подменяя, превращая в собственное подобие; увидеть ценности в этом хаосе игры – невозможно.

Эссенции в духе Лиотара («я слышал много про постмодерн») удачно репрезентируют общественное мнение, как правило, не направленное на понимание подоплеку постмодерна. Тень предмета подменяет предмет; отголоски подменяют парадигму; симулякр постмодерна подменяет постмодерн. Отголоски постмодерна – порождения его смыслового ядра; они защищают смысловое ядро от вторжения, от прикосновения к нему неотесанных пальцев. Отголоски – это фильтр, не пропускающий недостаточно зоркий взгляд к смыслу течения. Если прорваться к их причинам, то можно прийти к пониманию смысла. Постановочная поза течения провоцирует художника слова, имя коему толпа, на создание гротескной миниатюры, в которой, с одной стороны, эксплицируются основные постулаты; с другой – затемняется смысловое ядро.

Смысловое ядро – набор аргументированных положений, обусловленных историческим контекстом, которые закладывают основы концепции. В смысловое ядро могут входить суждения о его отсутствии (что, конечно, не отменяет его существования!). Постмодерн усложняет ситуацию тем, что в одну и ту же единицу языка, в зависимости от контекста, может быть «вписан» различный смысл. Суждение об отсутствии лишь часть целого, смысловое ядро, как целое – это контекст, который указывает на смысл суждения; вырвать суждение из контекста значит изменить его смысл.

Кажущееся противоречие в содержательном элементе ядра – приманка для неразборчивых критиков. Обтекаемость значений как обоюдоострый меч: нападение указывает на логическую ошибку в основе постмодерна, защита спекулирует на неверном понимании терминов. Подмена понятий порождает логический круг – постмодернистическое утверждение об отсутствии правил постулирует правило. Подобная критика и сократовское утверждение «Я знаю, что я ничего не знаю» в итоге сведет к противоречию.

Перешагнуть данное противоречие – словно выйти из лабиринта: Вильгельм и Адсон не могли понять устройство Библиотеки, пока после ночных заблуждений не посмотрели на Храмину со стороны. «Чтобы познать вещи, надо рассматривать их извне» [Эко, с. 267].

Классическая философия выстраивалась как математическая модель: закладывалась аксиоматика, на основе которой доказывались теоремы, направление рассуждений координировалось целью. Форма цели, наполняемая различным содержанием, существовала как неотъемлемый элемент структуры, логика была гарантом формального единства системы.

Математику сменил хаос, логику – интуиция, линейная направленность классической мысли сменила ризома¹. Переплетение нитей ризомы, их разветвление и соединение напоминает лабиринт: какая бы дорожка не была выбрана, она приведет человеческий разум к противоречию и вернет к развилке, на которой человек стоял первоначально. Потеря цели есть потеря линейного направления мысли.

Наличие цели в формальной структуре предполагает присутствие оснований. Их взаимообусловленность координирует путь рассуждения. Неклассика предпочитает вместо поиска оснований рефлексировать над последствиями самого поиска; выбор определения оснований через последствия, а не через причины мотивирован кажущейся очевидностью причины – человеку необходимо легитимировать знание и правила морали. Поиск оснований – «метанарративов» – лишь один из таких способов, неприемлемость которого можно увидеть через последствия, т.е. через тоталитаризм. Уход от цели показывает Лиотар в «Состоянии постмодерна»: «упрощая до крайности, мы считаем постмодерн недоверие в отношении метарассказов» [Лиотар, с. 10]. Функция метанарративов легитимировать этические, социальные, политические и др. нормы, для которых они служат некоей основой.

Лиотар, постулируя отказ от метанарративов, пришел к выводу, что легитимацию могут выполнять языковые игры. Он считает, что каждый человек должен заниматься своим делом, т.е. не вмешиваться в языковые игры смежных областей. Казалось бы, к такому же выводу приходит Платон в «Государстве»: однако, сходство формально. «Каждый» в философии Платона должен заниматься своим делом во благо целого, а Лиотар постулирует раздробленность, указывая на невыносимую необходимость всеобщности. Всеобщность гарантируется не наличием метанарративов, координирующих различные области, но коммуникационными связями между ними. Коммуникация необходима: при уникальности языковых игр в каждой отдельной области, существование областей бессмысленно. Отсутствие коммуникации приведет к тому, что отдельная область будет существовать как автономная, не связанная с внешним миром, единственное, что

¹ Древообразные парадигмы мозга уступают место ризоматическим фигурам, системам без центра, сетям конечных автоматов, хаотичным состояниям [Делез, Гваттари, с. 276].

будет обуславливать ее существование - языковые игры. Необходимость коммуникации не предполагает её легитимирующей роли.

Неклассика исключает не только поиск оснований, но и цель, как элемент структуры, которая могла бы направить рассуждение. Самой функции цели, ячейки, в которую помещается тот или иной содержательный элемент попросту нет. Это коррелирует с утверждениями постмодернистов об отсутствии объективной реальности и истины: «в классическом образе заблуждение лишь постольку выражает собой по праву наихудшую опасность для мысли, поскольку сама мысль представляется “желающей” истины, ориентированной на истину, обращенной к истине» [Делез, Гваттари, с. 71]. Существование объективной реальности предполагает наличие цели, познание истины координирует рассуждение, что отвергается системой постмодерна. Однако если нет истины, и мир походит на сетку коммуникаций, то субъект рассеивается, превращается в производную от нескольких коммуникационных функций - политических, социальных, экономических.

Языковые игры, функции, формирующие личность, отсылают к обилию коммуникаций и заключают в клетку, где человек полностью подчиняется миру, составленному из множества элементов, но объединенному единой сетью. Отрицание коммуникации между областями приводит к раздробленности, описанной ранее; отрицание коммуникации внутри области приводит к утрате легитимации, к остановке в развитии области. Сеть коммуникаций отрицать невозможно, искать подоплеку в ней бессмысленно, она объединяет разрозненные элементы, но не приводит их к единому основанию. Возникает оправданное желание вырваться из этой клетки, разорвать сеть коммуникаций, внести подлинную, ничем не скрепленную раздробленность. Бодрийяр пишет: «мое обращение к фрагментарному обусловлено желанием деструктурировать совокупность и открыть для себя пустоту и исчезновение» [Бодрийяр, с. 97]. Но как может производная от многих функций стремиться разорвать сетку коммуникаций, если функции это языковые игры, на которых основана любая коммуникация? Субъект, как элемент структуры уничтожен: невозможно наполнить смысловым содержанием то, пустая форма чего отсутствует. Отсутствие регламентируется введенной постмодернистами системой. Только через форму и утверждение существования определенных пустых форм в структуре, можно понять, какими именно задачами занимается постмодернизм. Вопросы конденсируются вокруг пустых форм и составляют проблематику их содержательного наполнения. Неклассика, изменив структуру, изменила философскую проблематику. Вопросы о том, что такое субъект, какова цель истории есть вопросы о содержательном наполнении пустых форм – субъекта, истории... При отсутствии пустой формы – отсутствуют вопросы о её содержании, а значит весь комплекс проблем связанный с ней. Неклассика предлагает не новое решение вопросов, не новую постановку проблем, а другую структуру, объявляющую нерешенные до сих пор вопросы не существующими, но выдуманными человеком [Лиотар].

Смысловое ядро постмодерна по структуре сходно с ризомой: теоретики данного течения используют пространственные термины двухмерной плоскости. «В контексте постмодернистского отказа от понимания философии как стремления мысли «ввысь» или в бездны глубин, пространственная концептуализация метафор вполне корректна» [Матиш, с. 11]. Структура течения напоминает сетку; постмодернизм направлен на разрушение своей системы, что обуславливает трудности в его восприятии. Саморазрушение необходимо для вскрытия содержательных элементов, наполняющих пустые формы; чтобы понять этическую и метафизическую сторону постмодерна, следует прорвать обилие языковых игр и кажущееся постулирование релятивизма. Коммуникационная сетка и то, что представляется нам при беглом взгляде на течение – это лишь отголоски скрытого смыслового ядра, к которому постмодернисты призывают прорваться.

Языковые игры выступают путеводителем по сетке – при приближении к любому суждению, срабатывает ловушка языка. Как понять суждение, каждое слово которого отсылает к необозримому количеству смыслов? Заявление о конце метафизики принимает совершенно иной характер, когда ссылка переходит на определение слова «метафизика» в контексте постмодерна. Классическая философия, по мнению идеологов течения, занималась созданием метанарративов, искала фундаментальные основания; если отвергается универсализация идей, также отвергается и область их культивирования, т. е. метафизика. Другой момент, что вопрос - каким образом человек, лишенный опоры на универсальные основания, может существовать в мире (объяснение которому искать бессмысленно) – метафизичен. Но именно это одна из проблем, которую пытается решить постмодернизм. Языковые игры способствуют утрате приверженности человека к метанарративам, к «привязке» его к той или иной области, на которую распространяется игра. Уход от метафизики утверждается как уход от области взращивания метанарративов. «Читать примечания» необходимо, но что делать, если примечания не высказаны прямо - как «залезть человеку в голову» и понять, что он хотел сказать: как понять, что хотел сказать постмодерн, утверждая конец метафизики? Эти вопросы вскрывают автореферентность в смысловом ядре постмодерна, запутывают цепь рассуждений, превращают исследователя в постмодерниста, лишают его возможности анализировать течение беспристрастно. Применение утверждений постмодернизма к его основе – не путь к опровержению направления, т.к. в его структуре уже задана программа на саморазрушение; этот путь не поможет понять течение, но приведет к погружению в него.

Большое количество ссылок раскрывает значение контекстуальности; для понимания суждения, нужно обратить внимание на контекст, на то, к чему отсылает предложение. Нельзя рассматривать суждение само по себе; языковые игры и значение контекстуальности обуславливают друг друга; отсюда вытекает популярный сегодня атрибут – цитатность.

Понятие контекста включает в себя не только рамки, в которых находится суждение, но и все текстовое поле. Ссылки на ранее написанные произведения необходимы, например, для уточнения генеалогического

древа слова, эволюции его пути. Цепочка отсылок напоминает Интернет, где переход из одного информационного поля в другое совершается через ссылки, что позволяет понять суждение в полной мере с помощью уточнений, расшифровок, этимологии слов – все это объясняется с помощью других слов, которые также требуют разъяснения. «То, что не поддается исследованию, словно бы подтрунивает над нашей исследовательской неумением, приманивая нас к мнимым рубежам и вехам, за которыми, как только до них доберешься, сразу же открываются новые дали прошлого» [Манн, с. 35]. В предельном случае цепочки отсылок замыкаются на самих себе. Эта сеть не может не приводить к проблеме референта. Если представить, что все эти текстовые перемещения никак не привязаны к миру, то возникает вопрос в смысле таких перемещений. Цель первой отсылки понять суждение, определить его смысл; без первого уточнения можно прийти к выводам, которые не подразумеваются автором текста, но последующие разъяснения уведут мысль далеко от первоначальной цели. Проблема референта упирается в первое суждение, но, что делать с остальными ссылками, без которых смысл первого утверждения будет понят превратно?

Структура бесконечных отсылок напоминает сетку коммуникации, что приводит к мысли о том, что текстуальная и актуальная реальности параллельны. Коммуникация, как всеохватная однородная структура, включает в себя акты и элементы коммуникации. От отдельного человека, элемента коммуникации, точки, следуют связи, акты коммуникации, к другим элементам, от которых в свою очередь идут связи к другим точкам и так далее, пока система не замкнется на самой себе. Система находится в процессе непрекращающегося становления: одни связи уничтожаются, другие налаживаются.

Отсылки и акты коммуникаций различны по своей сути. Любая фраза текста отсылает к другой фразе, для уточнения смысла первой, текст ведет в свои глубины с определенной целью. Акты коммуникации не отсылают к иным актам; они представляют некую данность, которая стимулируется элементами извне. Даже формально текстуальная и коммуникационная структуры не схожи, единственное, что их объединяет - предикаты, характеризующие эти системы как сетки, замкнутые на самих себе. Данные факты усугубляют проблему референта: как связать две замкнутых на себе системы, которые обладают различными формальными структурами? Единственный выход – разомкнуть системы. Спекулятивные рассуждения, как особая часть текстуальной реальности, не предполагают отсылки к актуальному миру - где в чувственном опыте можно указать на присутствие «метафизики»? Так, проблема референта получает дополнительный оттенок в палитре сложностей. При созерцании оттенков нельзя забывать о том, зачем написана вся картина постмодерна. «Я подошел вплотную к картине - посмотреть, как это сделано, я уткнулся в нее носом, - сказал художник. - Не тут-то было! Попробуйте определить, чем это написано: клеем, рубином, мылом, бронзой, солнечным светом, дерьмом!» [Пруст, с. 280].

От союза проблемы референта и проблемы контекстуальности рождается проблема понимания Другого. «Чем отличается пишущий стол от пуганой вороны?» - загадки, возникающие перед логиками 30-40 годов, напоминают чаепитие Сумасшедшего Шляпника и Мартовского Зайца. Идеальный язык – мечта логиков (неосуществимость которой видит Витгенштейн в поздних работах) – идеальное оружие против сложности в понимании Другого. Нейтрализация проблемы референта сводит на нет вопрос, часто задаваемый Витгенштейном: «Что Вы имеете в виду?» Если бы не низвержение идеи об идеальном языке, и сейчас продолжались бы попытки моделирования такого оружия. Естественный язык ловит человека в паутину проблем; идеальный, в котором каждому референту соответствует определенный символ, напоминает поверхность, «где трение равно нулю, но именно из-за отсутствия трения по нему нельзя ходить».

В естественном языке скрыта невозможность понимания: каждое слово Другого отсылает к нескольким различным смыслам, а пояснить хотя бы одно слово – значит воссоздать бесконечную цепочку отсылок. Может ли человек в такой ситуации быть уверенным в том, что его правильно поняли, что выбрали именно ту ссылку из обилия данных, которую выбрал он? Для того, чтобы ограничить случайный выбор отсылок, следует установить определенные правила – то есть организовать языковую игру. Она обеспечивает существование продуктивной коммуникации - чем четче установлены правила коммуникации, тем легче будет понять, какая ссылка имеется в виду, тем адекватнее произойдет коммуникация. Правила замыкают цепочку отсылок, что позволяет элементу коммуникации не уходить в бесконечность интерпретаций. С одной стороны проблематичность установления правил языковой игры в области, где слова не отсылают к определенному референту, с другой, сложность в понимании при отсутствии правил ставят спекулятивные рассуждения в положение анклава, существование которого ничем не обусловлено в рамках данной структуры. Исключение спекулятивных рассуждений из коммуникации приводит к уничтожению философии и религии.

От одной трудности к другой тайные переходы снова приводят к проблеме Другого. Коммуникация, ограниченная рамками чувственно познаваемого мира - функциональное устройство, которое позволяет удовлетворить человека в его потребностях; к потребностям человека не относится понимание Другого, если под Другим понимать производную от функций коммуникаций. Прорыв системы коммуникаций предполагает легитимацию спекулятивных рассуждений. Более всего стремление к прорыву прослеживается у Бодрийяра; философ в осознании мира, где подлинная коммуникация замещается ущербной, ограниченной, сведенной к шаблону, понимает что, в таком случае замещаются и сами точки, элементы этой коммуникации – «люди». Они становятся функциями от бесчисленных коммуникаций, в которых задействованы. Такому подложному, но видимому миру автор дает едкое название симулякр - «котные наш мир представляет собой вселенную абстрактных, бесплотных вещей, продолжающих жить исключительно по инерции, ставших симулякрами самих себя» [Бодрийяр, с. 40]. Так возникает новая проблема - определения статуса чело-

века. Если рассматривать элементы коммуникаций, как производные функций, то нужно понимать, что имеется в виду не человек, а его симулякр; в мире, где нет ничего подлинного, странно было бы думать, что подлинным остается сам человек. Трудно представить, каким образом в человеке сочетается его симулякр и спекулятивные рассуждения, которые не задеваются в системе коммуникаций. Спекулятивные рассуждения прорываются сквозь схему отсылок текстового мира, в поисках смысла самих себя и этого мира.

Говорить о смысле невозможно, так как это приводит к непониманию, связанному с большим количеством отсылок; не говорить о смысле невозможно, так как это приводит к погружению в сети коммуникаций, превращению человека в элемент структуры. Бодрийяр, осознавая эту дилемму, призывает порвать сеть коммуникаций через создание фрагментов: "Выступая против системности, <...> в стратегическом плане важно войти в поле сингулярных фрагментов - это единственное пространство, в котором осуществимо настоящее движение" [Там же, с. 95]. Предложенное решение проблемы коммуникации спекулирует на проблеме интертекстуальности. Фрагмент «вырывает» человека из системы коммуникаций с помощью искусства, создания произведения, которое содержит в себе отсылки к множеству смыслов. В этом подоплека фразы: «Каждый человек найдет в этом произведении что-то свое». «Свое» лишь условно, человек перейдет по одной из предоставляемых ссылок, которые могут быть обусловлены ассоциативными связями, но чаще всего коррелирует с текстовым миром. Текст – набор ссылок, каждая из которых приведет читателя к заранее определенному суждению; выбор ссылки остается за человеком. При этом у него всегда есть возможность не выбирать, не переходить по ссылкам, оставить суждение без объяснения, не понимать и не стремиться к пониманию предложения.¹

Спекуляция на интертекстуальности эксплицирует проблему референта и вопросы, связанные с текстовой реальностью. Разорванность характерна для постмодерна, как способ выхода из целостной системы, она может оборвать цепочку отсылок, (которые в итоге замкнутся на себе), и коммуникационных связей. Из этого вытекает еще один популярный штамп постмодернизма – фрагментарность. Постмодернисты не руководствуются определенной системой, но вытраивают концепты, которые необходимо оторваны от двух представленных систем: коммуникаций и бесконечных ссылок. Схема, в которую входят метанарративы, была отвергнута, как тоталитарная и ведущая к формированию догматического мышления, поэтому концепты, выстраиваемые постмодернистами, никак не согласуются между собой, каждый автор оперирует определенными отсылками, при выборе которых он руководствуется актуальной для него задачей. Разобшенность концепций обуславливается различным выбором отсылок того или иного автора: нет одинаковых концептов, есть концепты, которые направлены на разрешение одной и той же задачи. Постмодернисты не прерывают цепочку, а направляют ее таким образом, чтобы она замкнулась на самой себе, так как в противном случае можно двигаться по отсылкам бесконечно.

Спекулятивные рассуждения необходимы для человека, чтобы он мог оставаться человеком, а не элементом коммуникационной системы, однако они превращаются в другую затягивающую систему отсылок, где нет никаких ориентиров и критериев правильности - неправильности. Человеку необходимо выстроить ориентиры, иначе он становится элементом коммуникационной системы или его мысль бродит по ссылкам, никаким образом не влияя на его этику. Поэтому создание концептов для автора жизненно важная задача. Этим обусловлено существование философии. Делез: «философия - это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [Делез, Гваттари, с. 10]. В концепте смыкаются два параллельных мира: текстуальный и актуальный - создавая концепт, человеку нужно ввести ориентиры, которые бы позволили ему удержаться в двух данных системах.² Он, выстраивая спекулятивную систему, определяет свою шкалу, которая позволяет вынести суждение относительно того или иного предмета: при отсутствии шкалы нет отношение человека к чему-либо; не к чему относить явление. Ориентиру необходимы основания, иначе он повиснет в воздухе. То есть концепт – поиск оснований отдельного человека, с учетом того, что они никому не навязываются. В том виде, в каком они есть, их невозможно навязать, мешает интертекстуальность и проблема понимания Другого, навязывать их в виде постулатов, четких требований, бессмысленно – на пути становится протест, направленный на метанарративы. Единственно возможный вариант – представить данный концепт, пустить его в свободное плавание; последствия – «каждый найдет в концепте что-то свое».

Конституирование проблемы взаимодействия текстового и актуального мира приводит к необходимости пересмотра философских систем прошлого. От проблемы бытия и сущности, нравственных ценностей и их происхождения постмодерн переходит к рассмотрению языка и его соотношения с миром. Делез в работе «Логика смысла» вводит термин бытие через язык и парадоксы. Для Хайдеггера бытие может быть увидено через особый поэтический язык, но его «поэзия» и постмодернистический «дискурс» использованы для решения разных проблем: поэтический язык Хайдеггера это ключ к бытию; для Делеза дискурс – это особые разветвляющиеся серии, координируемые нонсенсом.

Проблема языка была актуализирована позитивистами, структуралисты ее углубили, отметив наличие особой текстовой самодостаточной реальности, которая не пересекается и не должна пересекаться с миром коммуникаций. Постструктуралисты чувствуют необходимость объединения актуального и текстуального миров, Делез констатирует наличие события или смысла, которое выполняет объединяющую роль, Фуко

¹ Проблемы двух миров схожи: как человек становится собственным симулякром, так и текст, описывает себя через систему текстов; т.е. становится функцией текстовых связей.

² В последнее время, созданы концепты, которые либо не преследуют цели, либо эта цель находится в самом концепте. Примеров такой литературы сколько угодно. Взять хотя бы книгу Бадью «Манифест философии».

анализирует работу Магритта «Это не трубка» и эксплицирует проблему взаимоотношений текста, образа и реальной вещи. Постструктуралисты оказываются в явном противоречии, подобно тому, в котором находился Витгенштейн: и говорить нельзя и молчать нельзя¹.

Как говорить о смысле, чтобы не потерять его, как оставаться на плоскости, где разворачивается событие и не опуститься в глубину? Возможно - с помощью апофатики, оружия постструктуралистов под маской «негативной теологии»; апофатики, что сама является маской, за которой не скрыто ничего, симулякр, в делезовском смысле этого слова.

В огромной мозаике, часть имени которой заимствована от последней эпохи неоправданных надежд - модернизма, идеи постмодернистов резонируют и перекликаются друг с другом, координируются и переплетаются, несмотря на видимую разрозненность концептов.

Если не соединять две реальности, то говорить можно будет только ради разговора, интеллигибельное не будет коррелировать с актуальным. Люди разделятся на два класса по принадлежности к тому или иному миру или будут жить в двух мирах попеременно. Соединив этот вывод с рассуждениями Бодрийера о симулякре, можно увидеть следующее положение вещей: отсутствие возможности полной автономии субъекта обрекает человека на пребывание в актуальном мире, что способствует его существованию в качестве своей тени, симулякра; текстовой мир, как единственный выход из данного положения вещей приводит человека к потере коммуникационной функции. Этот тупик провоцирует на создание связи между мирами, концептуализируя проблему и превращая постмодерн в попытку ее разрешения. Связь текстовой и актуальной реальностей необходима, чтобы человек не превращался в собственное подобие; в противном случае нужно либо молчать о самом важном, либо говорить, понимая, что речь – бессмысленна и не затрагивает сути. Этим обусловлена приверженность постмодерна к языковым проблемам, акцент на целостности при фрагментарной структуре, уловки в ответ на противоречия.

Соединение миров – проблема инструментального характера, возведенная в принципиальную. Решить её – значит говорить так, чтобы можно было влиять на актуальный мир, придать речи осмысленный характер. Если устранить эту проблему, текст повлияет только на отдельных индивидуумов, едва ли на актуальный мир в целом; причем проблема Другого, референта и релятивизм мнений не позволят сохранить аутентичность текста. Так проблема инструментальная переходит в основную. Неразрешимое противоречие (оставлять миры разведенными невозможно, но их объединение приводит лишь к относительному успеху), «разрешается» в переосмыслении приоритетов. Следствие изменения акцентов – реинтерпретация философии прошлого. Например, Делез онтологию Платона переводит на удобный для него терминологический язык, что позволяет перевернуть мысль Платона, провозгласив власть симулякра².

Подмена цели и инструмента приводит к ускользанию причины в любом постмодернистическом дискурсе. Не совершить такую подмену было не возможно, т.к. после объединения миров, возникает хотя бы какая-то коммуникация. Несмотря на все «но», на Другого, на проблематику референта – коммуникация осуществляется не между симулякрами (в Бодрийеровском смысле этого слова). Концепция жизнеспособна и необходима: проблемы не иллюзорны, но заметить и понять причину постановки вопросов крайне сложно из-за подмен, инверсий, апофатики...; решения, предлагаемые постмодерном, как видно (Хотя многие ли умеют видеть?), функционируют в современной культуре.

Инверсия – оборотная сторона расщепленности, перетекание из одного в другое и неразличение предметов, слов, слов и предметов. «Едят ли кошки кошек? Едят ли кошки кошек?» Проблему инверсии актуализирует Делез. В «Логике смысла» падение с поверхности в глубину, где нет слов, т.к. они слепляются и перетекают друг в друга в фонетическом единстве, где нет предметов, где не различаются активное и пассивное, прошлое и будущее, открывает бытие в своей чистоте и – двери в мир шизофрении. Инверсия встречается и на поверхности - событие, беспристрастный результат, может менять местами физические объекты. Прошлое и будущее, активное и пассивное, Я и не Я становятся одним и тем же - тождество вводится нашим сознанием для упрощения мира, но оно не начало всех вещей, только частный случай различия. Пожалуй, ситуация с самоотжественностью метко проясняется в «Бафомете»: различие утверждает дистанцию между предметами, различие предшествует тождественности, различие позволяет адекватно воспринять мир, – то самое, различие, которое есть и в человеке. Наделения Различия такими характеристика – одна из причин децентрации и потери субъективности.

Объединения миров, по Делезу, выполняет смысл, который соединяет слово (текстуальный мир) и предмет (актуальный мир). Смысл, тождественный событию, одновременно принадлежит и не принадлежит

¹ Рассел: Но как вы можете говорить, что вы не можете сказать, если вы только что сказали это?

Витгенштейн: Вы не можете; вы не можете сказать этого.

Рассел: Что? Вы имеете в виду, что я не могу сказать, а вы можете?

Витгенштейн: Нет, и я не могу. Когда я говорил в прошлый раз, я, строго говоря, говорил бессмыслицу.

Мур: Слушайте, Витгенштейн, мы здесь не для того, чтобы слушать, как вы несете бессмыслицу.

Витгенштейн (в бешенстве): Слушайте, я имею в виду, что это бессмыслица, но это полезная бессмыслица. Есть определенные вещи... я произношу их, и они имеют смысл...но они на самом деле не... я не могу выразить их.

Рассел начинает свистеть.

Мур (Расселу): Как вы думаете, что вы делаете?

Рассел: Он говорит, что не может сказать этого, и что мы не можем сказать этого, и я решил, что я смогу просвистеть это (Голдстейн Л.

Экзамен Витгенштейна на степень Ph.D. 1974).

² См. статью «Платон и симулякр» Ж. Делеза.

предмету; одновременно принадлежит и не принадлежит слову. Смысл – спасение от шизофрении глубины и многоголосия выси. Т.к. смысл есть беспристрастный результат, он безотносителен к физическим объектам, т.е. безотносителен к человеку (здесь следует оговориться: он одновременно принадлежит и не принадлежит человеку, как элементу актуального мира, но существование смысла не зависит от его сознания). Безотносительность порождает инверсию: двух людей, общающихся друг с другом можно поменять местами без нарушения смысла, изменения положений человека и вещи, как активного и пассивного также не влияет на содержание смысла, «все эти взаимообратимости - в том виде, как они проявляются в бесконечном тождестве, - имеют одно следствие: оспаривание личной самотождественности» [Делез, с. 16]. Последствие безотносительности результата - расщепление человека на элементы, ситуация, описанная в Бафомете: в одном теле может быть несколько душ, в нескольких телах может быть одна душа. Проблема человека в таком аспекте еще сложнее - душа все же является конституированным элементом, т.е. элементом, ощущающим свою самотождественность, при существовании смысла, души, как субстанционального элемента, просто нет. Тождественность, которую нивелирует инверсия, ушла и играет роль как частный момент различия... [exeunt¹].

Понятие смысла либо не получает позитивных предикатов либо определяется ими косвенно. Делез использует апофатику, чтобы установить функции смысла и обозначить Смысл, как понятие. Попытка наделять элемент позитивными предикатами значит привязать его к одному из миров. Делез пишет: «Смысл - это и выражаемое, то есть выраженное предложением, и атрибут положения вещей. Он развернут одной стороной к вещам, а другой – к предложениям. Но он не сливается ни с предложением, ни с положением вещей или качеством» [Там же, с. 41]. Смысл неразличим, событие есть смысл, смысл есть результат - единственная характеристика смысла ничего не проясняющая. Апофатика, используемая Делезом, отрицает предикаты до тех, пока смысл понятия смысл смысла не будет интуитивно ясен.

Деррида: любая апофатика есть негативная теология. Делез: смысл принадлежит в равной мере и бытию, и небытию. Деррида: принадлежностью к бытию и небытию – атрибут Бога. Делез: симулякр есть маска, которая не надета ни на что, но благодаря инверсии под маской Сократа может появиться хохочущей софист (если сорвать маску, то все равно никого не окажется). Деррида: деконструкция отличается от негативной теологии. Не приведет ли такая смесь рассуждений к тому, что под маской смысла скрывается хохочущий Бог, а под маской деконструкции – негативная теология?

Инверсия помогает постмодерну любой вопрос вывернуть наоборот, кардинально развернуть его в иной плоскости.

Утрата самотождественности, инверсия, проблема референта, проблема коммуникации, проблема Другого... Можно сказать, что предлагаемый анализ – это осмотр владений постмодернизма с высоты Эйфелевой башни: с такой высоты видно как взаимосвязаны главные магистрали, которые словно текст Деррида, порождают неразрешимые вопросы (любимый прием автора задеть проблему и не обсуждать ее, оставить на добрую, или по выражению Фуко, «злую волю» читателя). Высота поможет понять цель постмодернизма, его преемственность с классической философией.

Невозможно показать весь клубок проблем. Целью статьи было отметить переходы от одной к другой. Как сказал Фуко, анализируя книгу Делеза: «Я, разумеется, осознаю, что сместил акценты... Я реконструировал лишь одну из нескольких возможных моделей» [Фуко, с. 456]. Почему именно эта модель, а не другая? Ответ на поверхности, не в Делезовском смысле, а в смысле оппозиции текста и подтекста.

Система прекрасна, как библиотека Борхеса. Решение вопросов не отменяет сам вопрос, так как ни одно решение не сможет обладать универсальным характером [Делез]. С одной стороны, деуниверсализация исключает философию как идеологическое оружие, с другой стороны она исключает философию как целостность.

Канта упрекают в том, что он возложил на плечи человека слишком тяжелый груз: соответствовать требованиям категорического императива. О философии Канта судили по последствиям. Последствия постмодерна проникли в газеты, журналы, научную литературу, они на улицах, на выставках, в музеях - везде... Однако последствия это только сигнал, знак необходимости перемен. Современная литература показывает последствия, акцентирует внимание на то, что перестало восприниматься как знак и стало обыденным явлением. Знаки указывали давно, а проблематика постмодерна и постструктурализма до сих пор не вскрыта. Вероятно потому, что при исследовании постмодерна всегда есть возможность упасть в глубину (привет Делезу), т.е. стать постмодернистом.

Список литературы

- Бодрийяр Ж.** Пароли от фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006.
Делез Ж. Логика смысла. М.-Екатеринбург, 1998.
Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998.
Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998.
Мани Т. Иосиф и его братья: роман: в 2 т. М., 2008. Т. 1.
Матяш Т. П. Панвербальные стратегии постмодернизма // Гуманитарный ежегодник. 2005. № 4. Ч. 2.
Пруст М. В сторону Свана. СПб., 1992.

¹ Латинский термин, обозначающий ремарку в пьесе, например, "Некто уходит".

Фуко. *Theatrum philosophicum*. М.-Екатеринбург, 1998.

Эко У. *Имя Розы*. СПб., 2007.

БАЗОВЫЕ ЕВРОПЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ: РОЛЬ В ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ

Рыжков Д. А.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Международные отношения представляют собой самый широкий спектр «взаимодействий» (экономика, безопасность, политика, культура, массовая информация и т.д.), и только комплексный анализ позволяет получить максимально объективную картину. При оценке состояния отношений между Россией и Европейским союзом (как, впрочем, и между любыми другими акторами международных отношений), нам, в первую очередь, необходимо ответить на два основополагающих вопроса: что мешает и что способствует развитию позитивных отношений? Решение этих вопросов не вписывается в рамки единичного исследования или статьи, так как, безусловно, является задачей сверхсложной и объемной. В данном случае мы попытаемся рассмотреть лишь небольшой, но, как нам кажется, чрезвычайно важный «участок» отношений между Россией и Евросоюзом – взаимодействие политических культур, их внутренние и внешние противоречия. Постараемся выяснить, в какой степени и как базовые европейские ценности, как основополагающий элемент политической культуры западного типа, определяют характер отношений между Москвой и Брюсселем.

Для начала определимся в основных понятиях – политическая культура и базовые европейские ценности. В прикладном смысле термин политическая культура впервые был употреблен американским политологом Габриэлем Алмондом в работе «Сравнительные политические системы» (1956). Мы возьмем за основу определение, данное Алмондом и другим известным американским политологом С. Верба¹, определивших политическую культуру как «систему ценностей, глубоко укоренившихся в сознании мотиваций или ориентаций и установок, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике»². Из определения мы видим, что характер политической культуры, а, таким образом, и политической системы, зависит, в первую очередь, от набора базовых ценностных установок, распространенных в том или ином обществе. Иначе говоря, на любые политические процессы и действия (внешние или внутренние) оказывают огромное влияние общи для конкретного общества культурные ценности. Кроме того, можно предположить, что данный процесс имеет также и обратную направленность. С конца XX века, когда набрали силу процессы глобализации в экономике и политике, начали складываться и активно развиваться международные информационные структуры, существенно возросла роль такого направления международных отношений, как внешняя культурная политика. Распространение и популяризация определенных культурных ценностей или, наоборот, отторжение попыток культурного «экспорта» стали крайне эффективным внешнеполитическим инструментом. В контексте двусторонних отношений между Россией и Европейским союзом этот аспект современных международных связей имеет особое значение, так как именно «базовые европейские ценности» лежат в основе, внешнеполитического дискурса европейских политиков, направленного, в первую очередь, в адрес России.

И так, мы видим, что базовые культурные ценности обладают определяющей для политической культуры ролью. Кроме того, необходимо понимать, что политическая культура не является изначально определенным и неизменяемым феноменом. Как часть «большой» культуры она развивается и в процессе своего развития подвергается многочисленным влияниям, в том числе, как мы уже выяснили, и со стороны различных политических субъектов. Изменяются ли в этом случае базовые культурные ценности? На это вопрос, скорее всего, мы не сможем дать однозначный ответ. С одной стороны, закреплённость таких ценностей в языке и поведенческих моделях, их высокая инертность говорит об их достаточно устойчивом характере. С другой – язык также постоянно развивается, что, в свою очередь, и является отражением изменений в восприятии мира носителей языка. Таким образом, сделаем вывод, что рассматривать базовые европейские ценности целесообразно в тесной связи с определенным историческим контекстом.

Для решения поставленной нами задачи, определим характер современных базовых европейских ценностей на современном этапе. Рассматривая базовые ценности в контексте политической культуры России и ЕС, представляется уместным использование в качестве основного источника официальных документов и текстов заявлений высокопоставленных европейских политиков. В нашем случае мы использовали такие основополагающие документы современной европейской интеграции как Маастрихтский договор (Маастрихт, 1992 г.), Хартия основных прав Европейского союза (Ницца, 2000 г.) и Лиссабонский договор (Лиссабон, 2007 г.). Во всех этих документах закреплены «всеобщие и универсальные» базовые европейские ценности. Среди них: свобода, уважение прав человека, равенство, верховенство права и закона, привер-

¹ Это не единственное определение, однако, на наш взгляд, оно является наиболее универсальным.

² См. например: Almond, Verba, 1965, p. 12; Van den Brock, 1996.